

Мирзабекян Анастасия Сергеевна

студентка

Научный руководитель

Маркарян Ирина Николаевна

канд. экон. наук, доцент, доцент

Сочинский филиал ФГБОУ ВО «Всероссийский государственный
университет юстиции (РПА Минюста России)»

г. Сочи, Краснодарский край

КОРРУПЦИЯ КАК УГРОЗА БЕЗОПАСНОСТИ СОВРЕМЕННОГО ГОСУДАРСТВА И ОБЩАЯ КОНЦЕПЦИЯ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ПРОБЛЕМЕ

Аннотация: в статье рассматривается коррупция в России как системная угроза безопасности. Особое внимание уделяется здравоохранению и образованию, где взяточничество негативно влияет на молодежь. Предлагается стратегия, включающая меры принуждения и превентивные инструменты: прозрачность финансов, стимулирование госслужащих, развитие гражданского общества. Победа над коррупцией требует политической воли и преодоления восприятия взяток как нормы.

Ключевые слова: коррупция, угроза национальной безопасности, правовой нигилизм, административная рента, антикоррупционная экспертиза, коррупциогенные факторы, теневая экономика, гражданское общество, социальная деградация, взятка.

Коррупция в России стала системообразующим фактором, пронизывающим все социальные слои, от бытового до бюрократического. Это делает её уникальной угрозой, отличающейся от других видов преступности. Традиционные уголовные деяния осуждаются обществом, тогда как коррупция часто воспринимается как справедливый обмен в условиях дефицита публичных благ.

Актуальность исследования обусловлена тем, что существующее законодательное поле, включая Федеральный закон «О противодействии коррупции»,

демонстрирует парадоксальную неэффективность. Причина кроется не в юридических коллизиях, а в особенностях общественного сознания, где взятка не ассоциируется с аморальностью или уголовной ответственностью. Бакаев фиксирует тревожную картину. Для большинства граждан коррупционный контакт выступает бытовой условностью, подобной оплате услуги. Это приводит к формированию «иллюзии выгоды». Участник мздоимства получает краткосрочный позитивный результат (ускоренная госуслуга, «нужный» диагноз, диплом), но долгосрочный ущерб для общества – деградация инфраструктуры, рост теневого сектора – оказывается экстернализированным, то есть вынесенным за рамки его моральной ответственности.

Результирующие эффекты коррупции для национальной безопасности носят полисистемный характер. В экономической сфере, как подчеркивает Архипов, коррупционные потоки конституируют обширный сектор теневой экономики, продуцируя хронический бюджетный дефицит и нецелевое расходование государственных ресурсов. Масштабы этого явления таковы, что отдельные исследователи оценивают теневой сектор в России в 20–40% ВВП, причём значительная доля этих средств циркулирует именно через механизмы административной ренты и откатов при госзакупках.

Инвестиционная привлекательность страны падает катастрофическими темпами. Транзакционные издержки бизнеса, связанные с необходимостью преодоления коррупционных барьеров (согласования, разрешения, сертификации), становятся сопоставимыми с налогами. Стратегический инвестор, оперирующий длинными деньгами, никогда не войдёт в юрисдикцию, где контрактное право подменяется личной договорённостью. Криминологический аспект, выделяемый Гаухманом, заключается в том, что коррупционные сети становятся питательной средой для общеуголовной, террористической и экстремистской преступности. Именно через коррумпированных чиновников происходит легализация наркотрафика, оборот оружия и «крышевание» незаконных миграционных потоков.

Наиболее тяжёлые последствия лежат в социальной плоскости. Системная коррупция ведёт к моральному разложению и деградации человеческого потенциала. Когда статус и доступ к благам определяются не компетенциями, а размером взятки, общество запускает механизм негативного отбора – на вершину иерархии поднимаются не профессионалы, а ловкие оппортунисты.

Парадоксальным образом попытки институционального упорядочивания сталкиваются с пассивным, но эффективным сопротивлением социума, который выстраивает альтернативные каналы доступа к благам. Аникин отмечает, что глубинные слои общественного сознания воспринимают взятку не как преступление, а как «дело житейское». Это создаёт уникальную ситуацию: борьба с коррупцией тормозится не только из-за сопротивления чиновников, но и из-за отсутствия запроса на эту борьбу со стороны обывателя, который сам использует взятки в быту.

Наиболее поражёнными сферами, определяющими ключевые параметры качества жизни нации (здоровье, продолжительность жизни, образовательный и когнитивный потенциал), являются здравоохранение и образование. Конкретные проявления здесь выражаются в следующем:

- 1) взятки за поступление в вузы и сдачу ЕГЭ;
- 2) фиктивные дипломы и диссертации, обесценивающие высшее образование;
- 3) «благодарности» врачам за доступ к качественному лечению, операциям или дефицитным препаратам;
- 4) искусственное затягивание бесплатных процедур для стимулирования платного приёма.

Пагубнейшим следствием является формирование с раннего детства установки на взятку как нормальный способ решения проблем. Ребёнок, видящий, как его родители «договариваются» с учителем или заведующим отделением, инкорпорирует эту модель как естественный алгоритм поведения. К 18–20 годам это уже полностью сформировавшийся коррупционный агент, который

не испытывает внутреннего сопротивления при передаче незаконного вознаграждения.

Ключевым фактором усиления коррупционных рисков здесь выступает дефицит квалифицированных кадров и неадекватное материальное стимулирование. Наиболее компетентные специалисты мигрируют в частный сектор с конкурентной оплатой труда. Оставшийся же в государственной клинике или школе педагог оказывается в институциональной западне: формально являясь бюджетником, он вынужден искать неформальные источники дохода для выживания. Непрозрачность механизмов финансирования создаёт идеальную среду для сокрытия нелегальных транзакций и имитации бурной деятельности.

Правовая доктрина предпринимает попытки создания институциональных заслонов. В правотворческую практику внедрён механизм антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов, направленный на выявление типичных юридико-технических лазеек (коррупциогенных факторов): широта дискреционных полномочий, наличие двусмысленных отсылочных норм, отсутствие чётких административных процедур.

Хабибулин справедливо указывает, что правовая норма должна формулироваться с предельной чёткостью, без избыточных отсылочных положений. Однако исключительно юридико-экспертной деятельностью проблему не решить. Корень зла кроется не в качестве текстов законов, а в избыточном государственном регулировании, которое душит предпринимательскую инициативу. Когда для открытия небольшого кафе требуется 30–40 разрешений, взятка становится рациональным способом упрощения этих громоздких процедур.

Для минимизации коррупции необходим комплексный подход, выходящий за рамки ужесточения наказаний (статья 290 УК РФ). Эмпирические данные показывают, что повышение санкций без изменения условий среды приводит лишь к росту цены риска, но не к исчезновению самого явления.

Для борьбы с коррупцией и повышения эффективности госуправления необходимо следующее.

1. Повысить зарплаты госслужащим, чтобы они соответствовали средней по стране, и привлечь квалифицированных специалистов.
2. Внедрить строгий контроль расходов с прозрачным бюджетом, регулярными отчетами и независимым аудитом.
3. Создать независимые антикоррупционные органы с реальными полномочиями.
4. Перейти на электронные платформы для госзакупок для обеспечения прозрачности.
5. Сократить бюрократические барьеры и ввести уведомительный принцип для упрощения административных процедур.
6. Проводить просветительскую работу и формировать культуру честности через медиа и тренинги.

Список литературы

1. Хабибулин А.Г. Коррупция как угроза национальной безопасности: методология, проблемы и пути их решения / А.Г. Хабибулин // Журнал российского права. – 2007. – №7. – С. 290–300.
2. Аникин А. Противодействие коррупции / А. Аникин // Законность. – 2006. – №5. – С. 170–176.